

К ЮБИЛЕЮ ПЕТЕРБУРГСКОГО ИСТОРИКА РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЕРМИЧЁВА

варθηκοφόροι μὲν πολλοί, βάρχοι δὲ τε παῦροι.
*Plato. Phd. 69c–d**

14 сентября 2021 года исполнилось 85 лет со дня рождения доктора философских наук, профессора Русской христианской гуманитарной академии Александра Александровича Ермичёва. Наш юбиляр известен как философ, историк, публицист, глубокий знаток истории русской философии, занимающийся исследованием механизмов наследования в отечественной философской традиции, публикатор архивных материалов, ученый, подготовивший и издавший многие монографии и сборники, посвященные видным мыслителям, писателям и общественным деятелям. Посвятив себя изучению проблем классического наследия Русского Логоса, А. А. Ермичёв и сам давно стал частью истории русской философии.

Александр Александрович родился в 1936 г. в деревне Новая Московской области в семье инженера Александра Тимофеевича и его супруги Анны Ивановны Ермичёвых**. В семье было двое детей (сестра младше А. А. на два года),

* «Много тирсоносцев, но мало вакхантов» (Платон «Федон»).

** В очерке использованы материалы воспоминаний А. А. Ермичёва, которые имеются в аудиозаписи, сделанной автором этих строк 6 декабря 2020 г. на квартире Ермичёвых. Это трехчасовое интервью не опубликовано. В данной статье все цитаты из аудиозаписи помещены в кавычках.

и мать занималась их воспитанием. Анна Ионовна была из семьи старообрядческого священника. Отец был связан с текстильной промышленностью и занимался изобретением бесчелночного ткацкого станка. Позже Ермичёвы переехали в село Белоусово Жуковского района Калужской области (ныне — город Белоусово), что находится на 105-м километре Киевского шоссе.

А. А. Ермичёв из поколения детей войны. Когда началась Великая Отечественная война, ему было четыре года. Он помнит, как их село заняли фашисты, помнит ужасы оккупации и день освобождения Белоусово Красной Армией. Детство А. А. Ермичёва пришлось на суровые военные годы, но тяжелой была и голодная послевоенная пора, от которой ему особенно запомнились жуткие «тошнотики» (жареные лепешки, приготовленные из картофельных очисток или из весеннего мерзлого картофеля). Но все мы родом из детства. И как признается Юбиляр, в своих воспоминаниях он часто возвращается к подмосковной природе, которая своей красотой, чистотой, нетронутостью и благородной простотой напоминала время и картины, близкие тем, что можно найти в книге «Детские годы Багрова-внука» из автобиографической трилогии С. Т. Аксакова. Он вспоминает речушку, которую они пренебрежительно называли Дырошной, в которой было полным-полно рыбы, вспоминает чистые поля и леса, где росло много грибов, куда охотники ходили за рябчиками.

В 1944 г. Александр Ермичёв пошел в первый класс Белоусовской средней школы, в которой он проучился восемь лет. В сельской школе с. Белоусово в те годы работали замечательные учителя, некоторые из них в дальнейшем стали значительными фигурами не только в отечественном образовании, но и в науке. А. А. Ермичёв помнит директора школы Михаила Игнатьевича Реута, в прошлом капитана артиллерии; его жену Зою Михайловну Лец, белорусскую партизанку в годы войны; супругов М. И. Тулина и О. Н. Тулину, математика Ефима Моисеевича Гельфанта и многих других. В 1950–1951 гг. учителя и ученики единой школьной семьей строили новую деревянную школу. А в 1951-м директор М. И. Реут «забрал к себе в школу» на 105-й километр молодых специалистов из Москвы. Тогда в Белоусово прибыл «молодой отряд предметников, среди которых было два человека исключительных по своим личным качествам». Как вспоминает А. А. Ермичёв, «с приездом этих двоих школа сразу закипела». Преподавателем русского языка и литературы был Всеслав Гаврилович Горецкий (1924–2009), в будущем — известный филолог, доктор педагогических наук, член-корреспондент Российской академии образования, главный редактор журнала «Начальная школа», автор многих учебников и пособий для начальной школы, в том числе классического советского «Букваря» (по которому учились многие из нас, люди старшего поколения). А физику, математику и астрономию стал преподавать Семен Соломонович Герштейн (род. 1929; член-корреспондент АН СССР и академик РАН; лауреат Государственной премии СССР), который попал в сельскую школу после окончания отделения ядерной физики физического факультета Московского государственного университета. Его занятия и личность оказали огромное влияние на белоусовских школьников. Физика С. С. Герштейна ученики прозвали «гениальный Семен», а учителя литературы В. Г. Горецкого называли «великолепный Всеслав». Оба преподавателя лишь на немного были постарше

своих юных воспитанников. «Эти люди много для нас сделали, они в нас душу вдохнули», — рассказывает Юбиляр. О своем учителе Горецком А. А. Ермичёв опубликовал воспоминания «Наш Всеслав». Он с гордостью вспоминает, что из одного только их класса вышли в будущем 4 профессора: трое ребят стали докторами физических наук, а вот еще один оказался «не в тему» (в смысле «точных наук») — стал доктором философии.

С детских лет Александр Ермичёв был книгочеем. Первой книгой, полностью им самим прочитанной, была литературная сказка П. П. Ершова «Конек-Горбунок». Мощное воздействие на белоусовского школьника Ермичёва оказал роман Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле» (эту книгу ему дал учитель литературы В. Г. Горецкий из своей домашней библиотеки). Отец Александра Александровича был инженером, как говорили в советское время, «представителем сельской интеллигенции». По роду службы ему часто приходилось выезжать в Москву, и всякий раз, возвращаясь из командировки, он привозил сыну книги. А. А. Ермичёв вспоминает, что отец подписал его на полное собрание сочинений А. С. Пушкина, которое выходило приложением к журналу «Молодой колхозник».

Как рассказывает А. А. Ермичёв, отцу очень хотелось перевезти семью в город. И в начале 1950-х гг. мечта Александра Тимофеевича сбылась — его перевели на работу в Ленинград, куда он перевез жену и детей. С того времени судьба А. А. Ермичёва связана с городом на Неве. «Конечно, отец сделал совершенно правильно, что перетащил нас в этот город, — признает Александр Александрович. — Здесь для нас открылось больше возможностей». Хотя в то время А. А. Ермичёв страшно тосковал по селу своего детства. Он и сейчас с теплотой вспоминает друзей-однокашников: комсорга школы Николая Голяева, Илью Родичева, Николая Абакушина, Володьку Андрияхина, Николая Грачёва. Александр Александрович вспоминает, как катался с друзьями на лыжах с Колесниковских гор у села Белоусово: «Андрияхин съехал первым и кричит мне, оставшемуся стоять на вершине горы: «Санька, давай вниз! Да не трусь, ты же комсомолец!»»

В Ленинграде А. А. Ермичёв окончил два последних класса школы и в 1954 г. поступил на философский факультет Ленинградского ордена Ленина государственного университета имени А. А. Жданова (ныне — Санкт-Петербургский государственный университет). Для студента Ермичёва это была пора исканий и становления. Он принимал активное участие в университетских мероприятиях, выполнял комсомольские поручения и много читал.

Юбиляр рассказывает, что после того, как в 1949 г. многих преподавателей ЛГУ «выбили» по Ленинградскому делу, в 1950-е годы крупных фигур на факультете осталось немного. Большинство профессоров и доцентов университета были фронтовики. Но с учителями А. А. Ермичёву повезло. Его наставником в ЛГУ был Анатолий Андриянович Галактионов (1922–2002). Из университетских преподавателей, впечатливших студента А. А. Ермичёва и в дальнейшем повлиявших на его становление как исследователя, он называет Игоря Семеновича Кона (1928–2011), читавшего в те годы на философском факультете ЛГУ исторический материализм, Петра Федотовича Никандрова (1923–1975), Евгения Ивановича Водзинского (1922–1980). Диалектический материализм пре-

подавал «потрясающий полковник» Аркадий Аркадьевич Квасов, который был в ЛГУ почасовиком, «он блестяще читал лекции, и студенты его боготворили». Еще одна из наиболее ярких университетских фигур — Владимир Иосифович Свидерский (1910–1994), которого А. А. Ермичёв называет «совершенно выдающимся диаматчиком». Диалектику Гегеля студентам-философам преподавал Михаил Эмдин, А. А. Галактионов читал курс по истории русской философии. Интересными были лекции Михаила Иосифовича Шахновича (1911–1992), который преподавал историю культуры. Студенту Ермичёву много помогал Виктор Александрович Штофф (1915–1984), «знающий и исключительно деликатный человек». Как отмечает А. А. Ермичёв, «Крупных философских концепций при советской власти не создавалось, а вот в частных областях были выдающиеся фигуры, в частности, проблему модели и ее роль в познании разрабатывал Штофф». О многих своих университетских преподавателях А. А. Ермичёв позднее подготовил статьи — энциклопедические, научные, мемориальные.

По воспоминаниям ученика, его научный руководитель А. А. Галактионов был суровым человеком, но первоклассным учителем. Именно он своими рассказами о шестидесятниках (XIX-го столетия, разумеется) «втацил в русскую философию» ищущего студента Ермичёва. «Интерес к истории русской философии у меня пробудился в студенческие годы, точнее — в 1956 г., когда я увлекся Д. И. Писаревым», — рассказывает Александр Александрович. Его захватили и публицистика, и сама личность одаренного русского критика-шестидесятника, прожившего краткую, но яркую жизнь. Позже А. А. Ермичёв переключился на тему о другом революционере, писателе и публицисте — А. В. Луначарском. В итоге он подготовил и успешно защитил дипломную работу «Эстетические взгляды А. В. Луначарского».

После окончания университета в 1959 г. А. А. Ермичёв работал научным сотрудником Государственного музея истории Ленинграда. В сентябре следующего года он был зачислен на кафедру марксизма-ленинизма в Ленинградский институт водного транспорта (ЛИВТ, ныне — Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций), где работал в должности старшего лаборанта (с сентября 1960 г.), ассистента (с сентября 1963 г.) и старшего преподавателя (с февраля 1968 г.). В декабре 1968 г. А. А. Ермичёв был переведен на кафедру философии ЛИВТ, где проработал до 1976 г. В середине 1960-х А. А. Ермичёв вступил в ряды КПСС. Но, как рассказывает Юбиляр, его партийная карьера не сложилась, поскольку на партсобраниях он часто защищал «вольнодумцев». Хотя сам А. А. Ермичёв был настоящим советским человеком: деятельным комсомольцем, искренним партийцем, бескорыстно верившим в коммунистические идеи. Но, как он сам ныне признает, «всегда с осторожностью относился к той структуре, которая забюрократизировала советский строй и советские идеалы».

В 1960-е годы, так сказать, «без отрыва от производства», А. А. Ермичёв учился в заочной аспирантуре философского факультета ЛГУ, которую окончил в 1968 г. В начале он намеревался продолжить работу над темой об А. В. Луначарском, но Л. Н. Новожилова, которая была научным руководителем аспиранта Ермичёва, предложила ему сменить тему. И перемена эта была радикальной и даже революционной для молодого советского исследователя русской фило-

софии. По совету своего руководителя, Александр Александрович стал изучать труды Н. А. Бердяева. И его захватили бердяевские идеи о соотношении индивидуума и истории. Л. Н. Новожилова была назначена его формальным научным руководителем, а реально аспирант работал с А. А. Галактионовым. Позже научным руководителем А. А. Ермичёва стал профессор А. И. Новиков (1921–2001), который преподавал историю русской философии в Ленинградском государственном библиотечном институте имени Н. К. Крупской (ныне — Санкт-Петербургский государственный институт культуры).

В 1970 г. А. А. Ермичёв завершил работу над кандидатской диссертацией на тему «Критический анализ иррационалистической философии Н. А. Бердяева». Защита состоялась 21 января 1971 г. в Диссертационном совете философского факультета ЛГУ. Ученое звание доцента по кафедре истории философии А. А. Ермичёву было присвоено ВАК только в 1981 г. Выбор темы был, мягко говоря, необычным, поскольку белоэмигрант Николай Александрович Бердяев был тогда зачислен в ряды реакционных философов-мистиков и принадлежал к врагам советской власти. Работа А. А. Ермичёва о Н. А. Бердяеве была первой в СССР вместе с исследованием В. А. Кувакина, защитившего в 1970 г. в Московском государственном университете кандидатскую диссертацию на тему «Христианский экзистенциализм Н. Бердяева и современность». Как рассказывает Юбиляр, с московским собратом-«бердяевцем» он познакомился в день обсуждения своей диссертации на кафедре истории философии ЛГУ в 1970 г., и это знакомство переросло в дружбу. Позже, в 1980-е гг., А. А. Ермичёв станет одним из первых отечественных историков философии, кто возьмется за реабилитирование русской философско-религиозной мысли. В 1994 г. в издательстве РХГА выйдет подготовленный им сборник «Н. А. Бердяев: pro et contra».

Следующий значительный этап жизни Юбиляра связан с Ленинградским университетом. В середине 70-х гг. А. А. Ермичёв был приглашен в ЛГУ, однако тогда возникли трудности с ЛИВТОм, поскольку руководство института не хотело отпускать своего сотрудника. Но в ноябре 1976 г. А. А. Ермичёву удалось вернуться в свою *alma mater*. Здесь на кафедре истории философии (с 1996 г. — истории русской философии) философского факультета он прослужил почти три десятилетия (1976–2005): старшим преподавателем (до октября 1977 г.), доцентом (1977–2001), профессором (2001–2005). С 1987 г. А. А. Ермичёв исполнял обязанности заведующего кафедрой истории философии. В 1998 г. по совокупности работ А. А. Ермичёв защитил докторскую диссертацию на тему «Русская философия как целое. Опыт историко-систематического построения», и в 1999 г. решением ВАК Российской Федерации ему была присуждена ученая степень доктора философских наук.

В 2005 г. А. А. Ермичёв оставил СПбГУ (в энциклопедии «Русская философия» (32020) неверно указан 2006 год). Новый этап в его биографии связан с Русской христианской гуманитарной академией. В сентябре 2005 г. А. А. Ермичёв был принят на должность профессора и заведующего кафедрой русской культуры, а в декабре того же года переведен на должность профессора кафедры философии, где работает по сей день (за последние годы эта структура меняла формат и название, ныне — кафедра философии, религиоведения

и педагогики). С марта 2007 г. по сентябрь 2010 г. А. А. Ермичёв возглавлял кафедру философии.

За долгую практику преподавания в ленинградских / петербургских вузах А. А. Ермичёв воспитал несколько поколений студентов. В качестве научного руководителя он подготовил 9 кандидатов наук. Многие из коллег РХГА старшего поколения были в 1980–1990 гг. слушателями его лекций по русской философии в ЛГУ / СПбГУ, многие из молодых сотрудников нашей академии — это бывшие его студенты в РХГА. Как неоднократно признавался А. А. Ермичёв, Русская христианская гуманитарная академия стала его вторым домом, здесь у него «открылось второе дыхание».

Поражают трудолюбие и жизненная энергия Юбиляра. Ныне он продолжает читать в РХГА курс истории русской философии для студентов, специализирующихся по философии. А. А. Ермичёв является научным руководителем магистерской программы по русской философии РХГА, принимает участие в многочисленных проектах академии, является составителем ряда изданий серии «Русский путь: pro et contra». Профессор А. А. Ермичёв является членом оргкомитетов ряда международных, российских и межвузовских мероприятий. Многие годы он «тянет» на себе издание главного журнала нашей академии «Вестник РХГА». В рубриках «Из архива русской мысли» и «Наше наследие» А. А. Ермичёв регулярно публикует статьи русских мыслителей, впервые опубликованные десятилетия и столетие назад в российских и зарубежных журналах, которые ныне малодоступны. Его новые публикации русской классики сопровождаются вступительными или заключительными статьями и ценными комментариями.

Особо следует отметить, что уже семнадцатый год А. А. Ермичёв ведет в РХГА межвузовский историко-методологический семинар «Русская мысль», который был создан по его инициативе весной 2005 г. Уже давно этот ермичёвский семинар зарекомендовал себя как значимое научное событие не только в Петербурге, но и в России.

А. А. Ермичёв является одним из инициаторов создания памятника «Философскому пароходу», который был открыт на Набережной Лейтенанта Шмидта в 2003 г. как мемориал событию, ставшему, по определению самого Александра Александровича, «отметкой сложности истории».

Историю философии и науки А. А. Ермичёв рассматривает через истории отдельных ее представителей. Он является издателем и комментатором произведений Н. А. Бердяева, В. Ф. Эрна, С. Л. Франка, Ф. А. Степуна, В. С. Соловьева, Н. О. Лосского, В. В. Розанова, Б. В. Яковенко, П. Я. Чаадаева, И. И. Лапшина и других. Историка русской философии А. А. Ермичёва интересуют люди и идеи, история идей и судьбы их носителей. Именно об этом его главная книга «Имена и сюжеты русской философии», вышедшая несколько лет назад в серии «Слово о сущем» (СПб., 2014). А. А. Ермичёва увлекает не археология прошлого отечественной философии, не чисто исследовательский интерес к былому, но попытка осмыслить историю русской мысли как единого культурного феномена, проследить традиции и связи от начал до нынешнего времени. Обращение А. А. Ермичёва *ad fontes* (к источникам) носит не только научно-исследовательский, но живой философский интерес.

А. А. Ермичёв является составителем и автором вступительных статей и примечаний нескольких антологий и научных сборников. Надо особо отметить библиографическую жилку юбиляра. Подготовка библиографических изданий — дело хлопотное, но важное для будущих поколений исследователей. Им издано несколько обстоятельных библиографических указателей, справочников и хроник (см. ниже в списке избранных трудов А. А. Ермичёва), в которых подробно представлено описание и характеристика отдельных организаций (Религиозно-философское общество в Петербурге в 1907–1917 гг.), печатных изданий (философское содержание журналов русского зарубежья 1918–1939 гг.; философская и общественная мысль в журналах русского зарубежья 1940–1960 гг.). А. А. Ермичёв является автором нескольких российских энциклопедических изданий: «Литературная энциклопедия русского зарубежья», «Розановская энциклопедия», «Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды», «Русская философия: энциклопедия» и другие.

В большинстве публикаций А. А. Ермичёва присутствует полемика, и тематика многих его работ посвящена дискуссиям русских философов, которые интересны не только для истории мысли, но, благодаря комментариям А. А. Ермичёва, они приобретают новое звучание. Будь то прения в петербургском религиозно-философском обществе в начале прошлого века или философско-политические дискуссии в журналах русского зарубежья в середине XX века, полемика между газетой «Московские ведомости» и Владимиром Соловьёвым в 1891 г. или споры о революции и золотом веке русской философии. Даже ситуацию вокруг магистерской диссертации С. Л. Франка и критики одной А. А. Ермичёв превращает в интригующую драму. Он знает, что история, как и живая мысль, не могут быть сухими и скучными. А. А. Ермичёв всегда включен в научные дискуссии, следит за выходом новых изданий по истории философской мысли в России и за рубежом, спорит с коллегами, о чем свидетельствуют его рецензии, которые регулярно выходят в «Вопросах философии», «Вестнике РХГА» и других известных российских журналах и сборниках.

А. А. Ермичёв-ученый в большей мере историограф русской философии, в том смысле, что по образованию он, конечно, философ, и занимается историей философии, но, по сути, — настоящий историк, которого интересуют люди, их судьбы, судьбы идей мыслителей прошлого, историко-культурный и политический контекст, в котором жили и творили его герои. Мне, как историку по образованию и основным занятиям, всегда был близок такой подход. И это нас сразу сблизило с Александром Александровичем.

В последние годы историк А. А. Ермичёв занят исследованием развития русской философии в течение столетней ее истории: от первых декабристских организаций и кружка Любоумров (1822 г.) до окончания Гражданской войны в России и «Философского парохода» (1922 г.). Он считает, что «достоинства, которые мы унаследовали от нашего Любоумрия, состоят в том, что важна перелитая в жизнь истина. Не познание действительности, а истина. В этом Любоумрие. А под влиянием одействования истины наши мыслители «сползли» с философии в не-философию — в Чернышевского и Писарева. А Чернышевский и Писарев — это не философия, это материализм, а материализм — не есть философия». «В советском союзе, — продолжает А. А. Ермичёв, — не было фило-

софской мысли. Были историки философии, вот как я, например, но философии не было... Мы ушли из философии в социализм, утилитаризм, нигилизм и так далее». «Я утверждаю, что расцвет философии возможен только тогда, когда сознание свободно. Если сознание обременено веществом (как у Чернышевского) тогда оно не свободно». «В своих работах я показываю, что после того, как Чернышевский и Писарев одержали победу над нигилизмом, это означало философский приговор России. Русская философия кончилась, когда вышла за пределы, она попала под влияние императива одержания истины». «Возрождение философии в России начинается не с Владимира Соловьева, как обычно считают, а со стороны левых, со стороны народников. Достоевский показал, что человеком управляет не разум, а своеволие и только своеволие. И даже любовь к Богу — только от своеволия. И, показав это, Достоевский подготовил почву и для Соловьева и для Лопатина...»

Для А. А. Ермичёва как педагога важны не только содержание, идея, новая тема или новый взгляд на старую проблему, но не менее важны живость и художественность изложения, стиль — как подать материал. Отмечу особо, что А. А. Ермичёв — искусный рассказчик! Каждое его выступление подано живо, энергично, артистично, увлекательно, зажигательно, интригуяще, художественно. Рассказывая о философах прошлого, он переживает своих персонажей, обычно исполняя по ролям, изменяет голос от пьано до форте. Мэтр знает, что и педагогика, и наука должны быть поданы искусно, даже художественно, тогда они возымеют должный результат. Его статьи, выступления и даже лекции — это почти детективные истории, основанные на архивных материалах и, что называется, впервые введенные им в научный оборот.

Для А. А. Ермичёва как ученого, философия и история философии — это не ремесло, не что-то, о чем ты обладаешь знаниями, получив соответствующее образование, а потом, поднаборов, приобретаешь риторический навык и выдаешь на гора новые и новые тексты. Его исследования основаны на опыте с опорой на традицию (а традиция — это корни, которые поважнее, чем завиральные новации), основаны на непрестанной кропотливой работе в архивах и библиотеках (что в наше время, надо признать, уже большая редкость, эдакий рудимент нынешней эпохи глобальной диджитализации). Историк философии больше консервативен, нежели радикален. Опасаюсь, что это прозвучит пафосно, но скажу, что свой труд А. А. Ермичёв воспринимает как служение. И в этом служении есть что-то спокойное, надежное и героическое. Главное, что мне хотелось бы отметить, это ермичёвское безразличие — ко всему: к преподаванию, к проблемам и судьбе ВУЗа, которому он служит, к своему делу (будь то издание журнала, написание статьи, монографии или рецензии), к проблемам России, русской культуры. Обо всем он говорит как о своем личном, с сердцем, с полным осознанием и ответственностью.

Мне всегда казалось, что Александр Александрович похож на посла исчезнувшей эпохи. В своих публикациях, лекциях, научных докладах он всегда акцентирует внимание на проблеме преемственности. И он выступает как хранитель традиций истории русской философии. Он не только ученый, занимающийся «археологией» русской философии, думающий не только о прошлом, но и переживающий за будущее — нашей культуры, будущее Российской

государственности и русского духа. В своем интервью А. А. Ермичёв с болью говорит о нынешней ситуации в России и мире как об антропологической катастрофе: «Две тысячи лет существует христианство, но каждый год, и каждый месяц, и каждый день где-нибудь люди убивают людей. Войны продолжают и продолжают. И лучше человека не сделать. ... Но без христианства было бы еще хуже. Нельзя оставаться человеком без христианских запретов. Если нет никаких запретов, то случится беда. И на наших глазах произошла антропологическая катастрофа. ... Продолжает размываться единство, размывается духовная культура. А когда это будет окончательно размыто, то появится действие, а когда грядет действие, нужно будет противодействие. ... Тогда начнется конец света».

Профессора А. А. Ермичёва часто можно встретить в библиотеках. Знаю это по своему личному опыту, поскольку в разное время мы, не стовариваясь, встречались в здании Российской Национальной библиотеки на Московском проспекте, где Александр Александрович проводит часы, обложившись книгами и словарями. А бывало и такое, что я звоню профессору и прошу его: «Александр Александрович, если будете завтра в РНБ, отыщите пожалуйста для меня такую-то книгу и сделайте такую-то выписку». — «Хорошо, Александр Александрович, постараюсь сделать». А вечером телефонный звонок от него: «Вот я вашу просьбу выполнил. Записывайте...»

Александр Александрович просматривает свежие номера важнейших литературно-художественных журналов. При встречах в РХГА мы часто обсуждаем политические новости. Иной раз он звонит, чтобы поделиться новостью и обсудить заинтересовавшие, но зачастую взбудоражившие, растревожившие и ужаснувшие статьи (чаще всего это касается свежего номера «Литературной газеты», которую мы оба читаем) или телепередач. Как собеседник, А. А. Ермичёв внимателен и доброжелателен, но критичен и строг. Он пристрастен в оценках, но поражает его добросовестное умение не осуждать оголтело то, что ему самому кажется не близким, а стараться понять противоположную позицию, прибегая к аргументам и аналогиям.

Профессор А. А. Ермичёв богат не только идеями, публикациями и учениками, но и наследием другого характера: у него пять внуков и уже две правнучки. В его квартире, как и полагается настоящему ученому и библиофилу, все комнаты, прихожая и коридоры заняты литературой, даже на лоджии по стенам расставлены книги в несколько рядов. Супруга Александра Александровича Земфира Александровна — замечательная хозяйка, его спутница, друг и всегдашний помощник. Как признается Юбиляр, «из того, что я успел сделать, добрая половина выполнена благодаря моей Земфире. Земфира для меня всё!»

Зная Александра Александровича, не скажешь, что это человек в столь солидном уже возрасте. В свои 85 он бодр, активен, постоянно в движении, в общении, так сказать, при деле, всегда открыт и готов помочь, подсказать, дать совет, поделиться опытом. А опыт у него большой — свыше 60 лет преподавания и научной работы, а база у него огромная, есть на что опереться самому и что передать другим. Кажется, что в Юбиляре и сейчас жив тот задорный и боевой комсомольский дух, что был свойственен и юному белоусовскому школьнику, и студенту Ленинградского университета.

Как говорили в старые добрые советские времена, от имени и по поручению коллег и товарищей — сотрудников нашей академии, членов редколлегии «Вестника РХГА», участников семинара «Русская мысль» — разрешите поздравить мэтра с Юбилеем, пожелать многих лет творчества на ниве служения Русскому Логосу.

А. А. Синицын*
С.-Петербург, сентябрь 2021 г.

К поздравлению присоединяются
члены редколлегии журнала «Вестник РХГА»,
члены редколлегии серии «Русский путь: *pro et contra*»,
издательство Русской христианской гуманитарной академии,
преподаватели и студенты Русской христианской гуманитарной академии

В приложении к прозаическому очерку помещаем стихотворение, которое было написано пять лет назад и посвящено 80-летию А. А. Ермичёва. В первые дни октября 2016 года РХГА отмечала круглую дату профессора, и автор этих строк преподнес ему в подарок стих-тост. Помнится, что стихи Юбиляру понравились.

* Синицын Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии, религиоведения и педагогики, факультет философии, богословия и религиоведения, Русская христианская гуманитарная академия; aa.sinizin@mail.ru

СОВА РУССКОЙ МИНЕРВЫ*

Заздравный тост от коллеги, товарища и тётки к восьмидесятилетию Александра Александровича Ермичёва

Мчись подобно огненной комете,
Оставляя за собою след!
Восемь боевых десятилетий
Промелькнули как осьмнадцать лет...

Весть сия быстрее, чем скорость ветра,
Облетела Питер: мир учёный
Отмечает день рожденья мэтра —
Значимую дату Ермичёва!

Толкователь и издатель Эрна,
Степуна и многих эмигрантов,
До сих пор софии сеет зерна,
Выпускает макси-фолианты.

Мэтр не терпит мысли заскорузлой,
И в науке штуки панебратской,
Рыцарь Блеска он Минервы русской —
«Почвенной» и «белоэмигрантской».

Так и будет дальше он до срока
Собирать, как ныне, полный зал.
Нет в своем Отечестве пророка? —
Я бы так, пожалуй, не сказал.

Знай, моя страна, своих героев,
Не гляди на них ты с укоризной.
Мы наш новый мир еще построим
На святых столпах консерватизма!

А пока отметим многолетье
Тостами в сентябрьские календы.
Выпьем по одному, другой, по третьей
За РХГАшную легенду!

* Впервые стихотворение было опубликовано в филологическом ежегоднике РХГА «Ното loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира», вып. 3, 2018, с. 226–227.

... Вновь сова Минервы прянет в полночь.
Так не закрывайте ж ставни на ночь.
Жить, творить, служить! И Бог Вам в помощь!
Тёзка и коллега Ваш,
Сан Саныч.

*Александр Сеницын
С.-Петербург, сентябрь 2016 г.*

К ЮБИЛЕЮ А. А. ЕРМИЧЕВА
(выступление на Учёном совете
Русской христианской гуманитарной академии от 29.10.2021)

Как указано в «Энциклопедии русской философии» под редакцией Маслина, в работах Александра Александровича Ермичева «разрабатывается концепция истории русской философии как целого, т. е. как совокупности рационалистических, а также религиозно-ориентированных, идеалистических идей и учений, равным образом отражающих национальное своеобразие русской философии». Но это общие слова, которые не выражают, не схватывают дух научных изысканий Александра Александровича. Об этом самом духе я и хотел бы кратко рассказать.

Прежде всего замечу, что изыскания Александра Александровича — именно научные. Это не то что бы редкость для русской философии, но и не совсем обыденное дело. Сколь много исследователей русской мысли занимаются не наукой, а идеологизацией! Как много людей пишут о специфическом славянском стремлении к коллективности на основаниях соборности, в то время как соборность в системе славянофилов — совсем об ином. Русскую философию хотят поставить на службу некоей химерической идеологии.

Александр Александрович относится к русской философии с куда большим уважением. Русская философия для него — предмет пристального, систематического изучения. Едва ли не первым в России он стал писать о русской философии исходя из четко продуманного методологического аппарата: анализируя не только общеизвестные работы, но и эпистолярный, прижизненную периодику, стенограммы общественных собраний; аппарата концептуального: профессор Ермичев никогда не уходит в поэзию, стремясь реконструировать подчас смутное содержание русской философии на отчетливых, рациональных началах — в то время как саму нашу философию зачастую второпях определяют именно как философию «иррациональную».

При этом парадоксально: Александр Александрович никогда не писал сухих, «канцелярных» статей. Его слово всегда бодро, энергично; это — действительное слово действительного русского языка. Более того, сама манера письма Александра Александровича всегда оставляет намек на позицию автора по отношению к описываемому предмету, но всегда же будто бы нечто и утаивает; нечто самое существенное. Намек этот никогда не доводится до полной отчетливости. Как писатель, Александр Александрович следует замечательной формуле русской риторики: сказанное слово — серебряное, а не сказанное — золотое. Верно и другое: профессор Ермичев всегда отделяет свою позицию от содержания излагаемого им предмета, не искажая его содержания.

Предисловие к его капитальному труду «Имена и сюжеты русской философии» озаглавлено: «Моя бедная русская мысль...» Именно с чтения этой книги в 2015 году началось мое систематическое изучение истории русской мысли. Открывая ее, я по первой ужаснулся: ну как же, бедная: Бердяев, Шестов, Булгаков, Флоренский... Подумалось, что книга могла быть написана условным «западником», адептом идеи о неправомочности, невозможности существования такого феномена, как «русская философия». Нет, совсем не так. В действительности Александр Александрович просто-напросто держится принципа научной честности, что для меня, неопита изучения русской философии, казалось чем-то невероятным: как же, писать о ней и не гореть сердцем за все то, о чем она говорила?.. Но «Имена и сюжеты...» — именно про честность и объективность в самом строго философском смысле этого слова.

Процитирую замечательный фрагмент из статьи «В ответ В. Н. Сагатовскому»:

«О русской философии мы можем только сказать пронзительным стихом поэта:

И ничего не исправила,
Не помогла ничему
Смутная, чудная музыка
Слышная только ему.

Мы раньше были пьяными, теперь мы стали трезвыми. Теперь мы знаем, что нормальное общество — это взаимодействие трех уровней ценностей: высших, очень высших, низших, совсем бытовых и, наконец, срединных ценностей общественного существования — материального достатка, образования, полиции, закона, права. Высшие ценности нужны, но они не должны подчинять себе другие... А так, что же, пусть существуют... Идеалы — это прекрасно».

Чтобы написать такое после многолетних исследований истории русской философии, нужно быть, во-первых, очень честным человеком, во-вторых, большим хулиганом. Я, как исследователь философии Достоевского, не могу не увидеть здесь специфическую достоевскую иронию. Едва ли не подпольное ерничанье. Но только через эту усмешку — Блок бы назвал ее «красным смехом» — и возможен единственно объективный метод в исследованиях русской культуры: метод реализма в высшем смысле. Метод трезвой оценки

действительности, вне художественного, политического и — подчеркнем — квази-научного мечтательства.

Хочу сказать еще об одном важном моменте, благодаря которому профессор Ермичев навсегда останется в историографии русской философии. Это концепция «одействования истины». Если попытаться описать русскую философию в двух словах, то едва ли найдется формула более емкая. Эта концепция призвана обозначить то самое единство русской философии, которое всегда ускользает от нашего взгляда. Как пишет Александр Александрович в конце своего труда, «русская философия представляет собой противоречивую целостность идей самого различного содержания. В целостности она несводима ни к религиозной философии, ни к «солидной материалистической традиции», ни к еще какому-нибудь направлению». Далее профессор выделяет три основополагающих принципа русской философии, как бы развертывая формулу «одействования истины»: конкретность, идеализм и максимализм. Именно на эти принципы ориентируюсь и я в своих скромных историко-философских изысканиях. Та характеристика, которую Александр Александрович дает в отношении Чаадаева: «все русской философии», вполне справедливо будет приложить и к самому профессору. Профессор Ермичев — «все» историографии русской философии как научной дисциплины, её первопроходец. Молодые исследователи могут показывать на него «с суеверным уважением, как некогда на Данте: «Этот был там, он видел — и вернулся»».

Напоследок хотелось бы пожелать Александру Александрович и одновременно попросить его: заполнить, наконец, образовавшуюся лакуну в историографии отечественной философии и написать работу по истории советской философии, которая бы подтвердила концепцию одействования истины как единого принципа всей истории нашей мысли.

*Н. К. Сяндюков**

* Сяндюков Никита Кириллович, старший преподаватель, Русская христианская гуманитарная академия; nick.syundyukov@gmail.com